

(*уэ*-), т. е. *с-о-кIуэ* < **сы-уэ-кIуэ*, соответственно *уо-кIуэ* «ты идешь» < **уы-уэ-кIуэ* и т. д., точно так же в адыгейск. *сэ-кIуэ* «я иду» *сэ*- состоит из *с*- (< *сы*) и характеристики динамичности *э* (< *уэ*), т. е. *с-э-кIуэ* < **сы-уэ-кIуэ* и т. д. Следовательно, кабардинский язык сохранил исходный вид динамичности *о*- (*уэ*-). В кабардинском отчетливо видно, что в указанных глагольных формах *о*- (*уэ*) является отдельной морфемой, а не огласовкой согласных морфем *с*-, *у*-, *д*-, *ф*- (*со*-, *уо*-, *до*-, *фо*-): между личными аффиксами *с* (< *сы*), *у* (< *уы*) и характеристикой динамичности *о* может помещаться преверб направления *кэз*, например, *с-о-кIуэ* «я иду (туда)», но *сы-кэ-о-кIуэ* «я иду сюда». Выделенные автором префиксы косвенного объекта 1 и 2-го лиц — адыгейск. *сэ*-, *уэ*-, *тэ*-, *шэуэ*-, каб. *зэ*- (< *сэ*-), *уэ*-, *дэ*-, *вэ*- (< *фэ*-), например, в словоформах адыгейск. *уы-кы-сэ-жагэ*, каб. *уы-кы-зэ-жашэ* «ты ждал меня» (стр. 268) — также содержат по две морфемы: *с* — префикс косвенного объекта 1-го лица и *э*- (< *йэ*-) — префикс косвенного отношения.

В последней, тринадцатой, главе (стр. 323—329) М. А. Кумахов касается истории словоизменения, а также словообразования адыгских языков в сравнении с другими абхазско-адыгскими языками. К числу явлений общеабхазско-адыгского происхождения он относит из именных категорий категории определенности — неопределенности и притяжательности.

Общеабхазскоадыгская категория определенности выражалась префиксальным способом. Данные адыгских языков считаются инновацией, а в более архаичной форме категории притяжательности сохранилась в абхазском, в абазинском и убыхском языках. На общеабхазскоадыгской почве образовались выраженные морфологически сочинительные союзы. Автор придерживается мнения, что «категория падежа образовалась после распада общеабхазоадыг-

ского языка... Сравнительный анализ материала показывает, что в абхазо-адыгских языках нет ни общей модели образования числа, ни генетически тождественной морфемы множественного числа, которая возводима к языку-основе... Основные принципы построения глагольной парадигматики также восходят к общеабхазоадыгскому языковому единству» (стр. 324). Общий материальный фонд основ в системе глаголов представлен в личных показателях, в аффиксах отрицания, каузатива (там же).

Досадно, что в такую солидную работу вкрались некоторые неточности. Таковы, например, адыг. *Сышхэ акыл йылэ* (стр. 162); адыг. *кысэгэакIуэ* вместо *кэсэгэакIуэ*, *кыуэгэакIуэ* вместо *кэуэгэакIуэ*, адыг. *кыуэгэакIуэ* вместо *кэуэгэакIуэ*, *кышэуэгэакIуэ* вместо *кэшэуэгэакIуэ* (стр. 296); адыг. *скIуэгэ* вместо *скIуэгэ* (стр. 147); *с-чэагэ* вместо *с-чэагэ* (стр. 197); *джэуэгэ* вместо *джэуэгэ* (стр. 256); *кIуа-гэ* вместо *кIуагэ* (стр. 258); *с-хыгэ* вместо *с-хыгэ*, *п-хыгэ* вместо *п-хыгэ* (стр. 295); убых. *сышэан* вместо *шышэан* «мы становимся», *скIыан* вместо *шыкIыан* «мы идём», *аз-быйан* «они их видят» вместо «я их вижу» (стр. 200). На стр. 105 читаем: «Здесь собственное имя *Сурэат* при переходном глаголе *кыфэмыIуагэар* имеет нулевую форму; между тем как адыг. *кыфэмыIуагэар* «то, что она не смогла сказать» — непереходный глагол (точнее — причастие от непереходного глагола).

Работа М. А. Кумахова представляет собой большую научную ценность как новизной поставленных вопросов, так и разрешением их (в журнальной рецензии мы могли коснуться только некоторых из них). Рецензируемая книга, насыщенная богатым иллюстративным материалом из произведений адыгских и кабардинских писателей и из фольклора, является значительным событием в адыговедении.

Г. В. Рогова

Е. А. Реферовская. Французский язык в Канаде.

— Л., «Наука», 1972. 215 стр.

Советская романистика получила первое монографическое исследование французского языка в Канаде. Книга Е. А. Реферовской излагает историю заселения Северной Америки и анализ языка франкоязычного населения Канады. В ходе исследования ставится и решается проблема лингвистического статуса анализируемого наречия. Рассматривая две существующие точки зрения на франко-канадский (как на самостоятельный язык и как на вариант французского), Е. А. Реферовская склоняется ко второму мне-

нию. Читатель имеет возможность убедиться в правомерности выдвигаемого положения, следуя достаточно убедительной системе доказательств, построенной на богатом языковом материале.

В книге четыре главы и небольшое заключение. Первая глава посвящена истории французов в Северной Америке и акадийцев в Луизиане. Во второй главе дается характеристика современного франкоязычного населения Канады и его языка. Последовательно показано различие, существующее между канадцами и

акадийцами, начиная с момента заселения Канады и кончая современным положением этих групп населения в стране. Различие, выраженное территориально в заселении французами двух разных районов Северной Америки — бассейна реки Св. Лаврентия (Квебек) и Приморских провинций (Акадия), закреплено историческими и этнографическими обстоятельствами, представляющими собою основу лингвистического противопоставления акадийцев и квебекцев.

Дело в том, что акадийцы были уроженцами западных областей Франции (Онис, Пуату, Сентонж), в то время как канадцы, или квебекцы, состояли в основном из нормандцев и выходцев из центральных областей. В течение длительного времени эти группы жили практически полностью разобщенно, испытывая различные внешние влияния. Это весьма способствовало сохранению в речи акадийцев и квебекцев своих особенностей, а в результате трех- или даже четырехвекового развития — дальнейшему их расхождению в лингвистическом плане.

Давая общую характеристику языку франкоканадцев, Е. А. Реферовская отмечает отсутствие в нем диалектной и социальной дифференциации, связь разговорного языка франкоканадцев с литературным языком времен его «импортирования» на американский материк и с современными диалектами Франции (стр. 68—69).

В последних двух главах — третьей и четвертой — автор показывает современное состояние языка франкоканадцев, которое является результатом совершенно особого пути его развития. И население, и язык Канады претерпевают постепенно полный культурный и административный отрыв от Франции, следствием чего явилось появление в языке франкоканадцев особенностей, не свойственных языку Франции. Таковы, например, англицизмы и индианизмы в канадском варианте французского языка; архаизмы и диалектизмы, исчезнувшие из французского языка Франции и сохранившиеся во франкоканадском; таковы многочисленные инновации, появившиеся в языке Франции после утраты ею канадских колоний и отсутствующие в языке Канады; таковы особенности в произношении, хорошо изученные в настоящее время.

При описании характерных особенностей языка франкоканадцев Е. А. Реферовская опирается главным образом на три источника сведений о современном его состоянии: это, во-первых, свидетельства ряда исследователей литературного языка франкоязычной Канады и произношения образованной части населения; во-вторых, тщательное сопоставление лексико-грамматических особенностей языка франкоканадцев с диалектными особенностями современного французского языка; в-третьих, непосред-

венные наблюдения автора во время его пребывания в Канаде. Рядом с этим широко привлекаются данные истории французского языка, которые служат Е. А. Реферовской дополнительным материалом при доказательстве генетических связей отдельных элементов французского словаря или синтаксиса в двух его вариантах — канадском и собственно французском.

Оценка наблюдаемых факторов и явлений современного состояния языка франкоязычного населения Канады дается на основе глубокого анализа материала многочисленных словарей, — таковы «Академический словарь французского языка» (1932—1935), этимологические словари Блока и Вартбурга (1960), Доза (1938); словари старофранцузского языка Годафруа (1937—1938), Грансеня д'Отрива (1947), Шиммарева (1955); словари французского языка (Литре, Ларусс, Робер, Атьфельд — Дарместетер — Тома) и его диалектов (валлонский — словарь Гранганьяка, нормандский — Дюмерила, пикардский — Корбле и т. д.). Широко используется лингвистический атлас Франции Жильерона — Эдмона.

Такой многомерный анализ объекта исследования дает полное основание Е. А. Реферовской утверждать, что вопрос о степени автономности франкоканадского наречия решается однозначно. Чрезвычайно убедительно показана диалектная база французского языка Канады. Говоря об архаизмах в языке потомков французских переселенцев на американский материк, автор настойчиво подчеркивает, что большинство архаизмов ведут начало от диалектных форм, главным образом от диалектизмов северо-запада и центра Франции, откуда происходила основная масса переселенцев. Так, слово *éloïse* «зарница» употребляется мадленскими акадийцами; оно не зафиксировано ни одним из больших словарей (Академический словарь, Литре, Атьфельд — Дарместетер — Тома, Робер), кроме Ларусса, который сопровождает его пометой «устар.». В текстах XI—XIII вв. и в XVI в. слово употребительно; известно оно и в современных диалектах Пуату, Сентонжа, Ониса. Е. А. Реферовская отмечает диалектный характер этого слова уже в то время, когда оно было привезено на новую родину, и приводит свидетельство Менажа (XVII в.): «*éloïse* это старое слово, которое значит „молния“ и которое употребляют еще сейчас в некоторых провинциях Франции, и, в частности, в Пуату».

Данные диалектологии и истории французского языка позволяют автору оспорить некоторые определения слов. Так, употребление глагола *rester* в значении «demeurer, vivre, habiter» ряд ученых считает «канадизмом». Е. А. Реферовская показывает, что это значение известно и в наши дни диалектам, в частности

нормандскому, лотарингскому и др. (стр. 92—94). Канадское название оспы *picote* сохранилось и во Франции. Е. А. Реферовская цитирует пример, взятый у Рабле: *L'un y avoit la picote, l'autre la rougeole* «у одного была оспа, у другого — корь», из которого явствует, что в XVI в. слово *picote* в народном употреблении имело то же значение, что и сегодня в канадском варианте французского языка. Как народное название оспы это слово употребляется в некоторых диалектах центра и западных областей Франции. О человеке со следами оспы на лице говорят: *il est picoté, il a la figure toute picotée* (стр. 94).

Подобным образом анализируются употребления слов *chaise, espérer, écarter, s'écarter, élan, taïser, suivre* и др., которые отнесены автором к семантическим архаизмам, т. е. к словам, сохранившим до нашего времени то значение, которое им некогда было свойственно, но сейчас утрачено во французском языке Франции. Примеры используются из современных франкоканадских текстов и из текстов XVII в. Привлекаются данные словарей диалектологических исследований.

Большое внимание уделяет автор и грамматическим особенностям французского языка. Так, анализируются употребления глагольных форм 1-го лица мн. числа вместо 1-го лица ед. числа типа: *j'en venons, j'avons* (стр. 129—130); употребления *vas* в значении 1-го лица ед. числа от глагола *aller*: *Je vas vous chanter; je m'en vas; j'vas* и т. д. Интересны наблюдения за употреблением переходных глаголов в значении переходных типа: *j'ai échappé ma plume* (= *la plume m'a échappé*); *le bac traversait un troupeau* (в значении «перевозил»). Выделяются архаические союзы (*quant* и в значении «avec, en même temps»; *d'abord que* в значении «puisque» и др.). К архаическим конструкциям относится перифраза *être après* (faire quelque chose) в значении «être en train de faire quelque chose», которая 300—400 лет тому назад была вполне литературной и употреблялась лучшими французскими писателями. Так, Е. А. Реферовская цитирует несколько примеров из Дезотеля, Амьё, Монтеня: *Tu te dis estre après d'avoir un traité de grammairie que tu as dressé* (Des Autels) «Ты говоришь, что занимаешься пересмотром грамматики, которую ты составил»; *Madame est encore après d se coiffer* (Montaigne) «Госпожа еще причесывается».

Любопытные наблюдения содержатся на страницах, посвященных изучению неологизмов. Показаны заново образованные слова, которых никогда не было во французском, и рядом с ними — переосмысленные французских слов, назван-

ные автором семантическими неологизмами. Значительное место отведено также индианизмам и англицизмам во франкоканадском, среди которых внимательно проанализированы кальки и скрытые заимствования, вызванные семантическими влияниями английского языка. Приведены списки слов и конструкций, в которых прослеживаются результаты языковых контактов (см., например, на стр. 196—200, 201—205).

Автор показывает неизбежность заимствований при контакте языков в условиях билингвизма, подчеркивая мысль о том, что было бы опрометчиво и односторонне считать заимствования из английского тормозящими развитие канадского варианта французского языка и не определяющими своеобразие этого развития. Специфику языка франкоканадцев составляют его неологизмы, его архаизмы, его индианизмы и англицизмы, особенноности происхождения. Все это создает, по мнению Е. А. Реферовской, черты, придающие языку франкоканадцев характер непоколебимой устойчивости и верности своему прошлому (стр. 208). Французский язык Канады, подобно испанскому и португальскому в странах Южной и Центральной Америки, принадлежит широкому ареалу «Новой Романии» и, связанный с судьбой народа, говорящего на нем, постепенно и неизбежно отходит от языка-источника. «Процесс этот, — говорит в заключение своей книги Е. А. Реферовская, — при всем своеобразии, лишь ему свойственным, при всех обстоятельствах, обусловленных эпохой, развитием культуры и цивилизации, легкостью общения между носителями одного и того же языка как внутри, так и за пределами страны, чрезвычайно напоминает имевшее некогда место распространение латинского языка на территории европейской Романии». Процесс этот еще не закончен. Франкоканадцы перестали быть французами, однако их язык не перестает еще быть французским. Это — вариант французского, отмеченный особенностями, вытекающими из условий его жизни и развития.

Связь времен и взаимодействие языков и культур во времени и пространстве, внешние и внутренние факторы развития языка, частные тенденции в отдельных звеньях функционирующей и эволюционирующей системы, — эти и многие другие стороны анализируемого сложного явления, каким выступает язык франкоканадцев, затронуты в рецензируемой книге, которая представляет несомненный и весьма ценный вклад в общую теорию романистики и в частную теорию французского языка.

Л. М. Скрелина